

ЛЕСКОВ Н.С.

Содержание файла:

Литературно-критические материалы Поэтика творчества

Летопись жизни и творчества

Литература

(24 стр.)

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

А. Лесков

ЖИЗНЬ НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА

*Можно сделать правду столь же, даже более занимательной, чем
вымысел.*

Л. Толстой (Письмо к Лескову 14/X 1893 г.)

На 55-м году жизни, прочитав книгу Голленбаха «Человек, его сущность и назначение», изданную в 1885 году А. Н. Аксаковым, он самоуглубленно делает из нее выписку: «Душа человека похожа на воду; приходит она с неба, падает на землю и снова подымается на небо».

Тут пленяли оба пути: и начальное ниспадение и завершающее жизнь как бы победное восхождение. Это подкупало, утешало, с чем-то мирило, обнадеживало...

Когда кто-нибудь из поздних знакомцев, вглядываясь в ранние портреты писателя, говорил: «Однако, Николай Семенович, какой же вы, должно быть... были... в молодости!...»

«Ууу!.. Ангел!.. ангел!..» — быстро перебивал Лесков, нервно поводя плечами и коротким движением руки как бы отметаая от себя какой-то ярко ощущаемый им и как бы даже устрашающий его образ. Итак, от ангела до аггела! Что-то фаустовское: «Ах, две души живут в больной груди моей, — друг другу чуждые, и жаждут разделения».

Не подлежит сомнению, что одиннадцатилетняя казенная служба в Орле и Киеве дала Лескову немало жизненного опыта, однако опыт, вынесенный им из разъездов по торговым делам, он оценивал всего выше.

На вопросы — откуда у него такое знание страны, такое неиссякаемое богатство наблюдений и впечатлений, Лесков чуть откидывал голову и, как бы

озирая глубь минувшего, отвечал, слегка постукивая концами пальцев лоб: «Все из этого сундука... За три года моих разъездов по России в него складывался багаж, которого хватило на всю жизнь и которого не наберешь на Невском и в петербургских канцеляриях».

На эту тему он не только охотно говорил, но и писал. И всегда горячо, искренно и образно, не без подкрепления своих взглядов чужими заключениями. Вот, к примеру, приводимые во временной последовательности его суждения: *«Извозчик, для едущих на протяжных, это совсем не то, что кондуктор для нынешнего путешественника, несущегося по железной дороге. С извозчиком седоки непременно сближались и даже сживались, потому что протяжная путина — это часть жизни, в которой люди делили вместе и горе, и радость, и опасности, и все его досады! «Вместе мокли и все сохли», как выражается извозный люд».*

«Прожив изрядное количество лет и много перечитав и много переглядев во всех концах России, я порою чувствую себя, как «Микула Селянинович», которого «тяготила тяга» знания родной земли, и нет тогда терпения сносить в молчании то, что подчас горodyт пишущие люди, оглядывающие Русь не с извозничьего «передка» (как мы езжали за 3 целковых из Орла в Киев), а «летком летя», из вагона экстренного поезда. Все у них мимолетно, — и наблюдения, и опыты, и заметки... Всеу этому так и быть следует, ибо «всякой вещи есть свое место под солнцем» — протяжные троечники отошли, а железные дороги их лучше, но опыт и знание все-таки своей цены стоят, да и покоя не дают. То напишу я заметку Вам, то Нотовичу, то Худякову, и они, кажется, везде читаются и даже будто замечаются и м. б. отличаются от скорохвата».

Чрезвычайно ценно впечатление, вынесенное о Лескове пользовавшейся большим его уважением и расположением, умной, образованной, вдумчивой и осмотрительной в суждениях о людях, издательницей «Северного вестника», Л. Я. Гуревич: *«Капризный, мятежный человек, оригинальный, причудливый, мощный и сочный талант».*

«Полный бунтующих тяжелых страстей».

«Беспокойного, придирчивого и сильного разума».

«Он никогда не знал душевного или умственного успокоения».

«Он громил старое, отживающее, и высмеивал новое, не дожидаясь, чтобы оно принесло свои плоды, не снисходя к недостаткам, свойственным периоду брожения».

Из массы самых разноречивых характеристик Лескова, от приторно-умиленных до злостно-хулильных, эта, в каждом своем слове взвешенная и искренно прочувствованная, многих вернее и тоньше.

В годы «маститости» Лесков говорил, что когда-то «злobilся», а потом «смирился, но не искусно». Ценное признание! С натурой не совладать: не искусно выйдет! Прекрасно знавший его и искренно расположенный к нему, остроумный поэт и переводчик Шопенгауэра, Ф. В. Вишневский («Черниговец»), видел в его натуре «зломнительность», склонность воспринимать многое злее, чем оно есть, мня в других скрытое зло.

Способности смиряться, несомненно, должна была мешать исключительно стойкая память, не позволявшая зарубцовываться ни одной ране. Эта память вызывала потребность непременно расчесать любой укол или царапину до крови... На склоне дней своих Лесков отвечает А. К. Чертковой, пытавшейся примирить его с мужем, В. Г. Чертковым: *«Можно повелевать своему разуму и даже сердцу, но повелевать своей памяти — невозможно!»* Как тут смиряться!

Он не знал духовного уюта и хотя бы самого нетребовательного житейского покоя. Он не щадил себя, не щадил и других. Блестящий диалектический субъективизм прекрасно служил искреннему самоубеждению в бесспорности чужой вины. Беспристрастие в оценке взаимоотношений оказывалось благодаря этому невозможным. Отсюда немалые и, что всего обиднее, не неотвратимые «терзательства» — свои и не свои...

Приехав в Петербург глубоким провинциалом, он, по киевским связям, «приючается» у известного тогда экономиста, редактора журнала «Указатель экономический» и председателя «Политико-экономического комитета императорского русского географического общества» — профессора И. В. Вернадского. Лескова увлекают заседания «общества», на которых он охотно выступает, обнаруживая прекрасное знание нужд своей родины в области экономических, земельных, крестьянских вопросов. В первый год он дает полные одобрения и удовлетворения отзывы о деятельности этого комитета. Однако, дольше и пристальнее присмотревшись к его «работе», как и других комитетов, Лесков все их, без колебаний, крестит в «русские говорильни», в которых все сводится к самоуслаждению ряда маститых членов этих говорилен собственным многословием. Ничего личного в этом приговоре нет. Есть возмущение полным незнанием выступающих с нелепыми прожектами реформаторов той России, которую сам он знает «в самую глубь». Делать в говорильнях нечего, и он порывает с ними. Личные отношения не останавливают: они бестрепетно приносятся в жертву.

Вовлеченный затем злым роком в круг людей «попятного направления», руководимый и возглавляемый Катковым, Лесков съедает с ними довольно соли, от которой его потом «тошнит». Умный Катков говорит про него одному из верных своих соратников: *«Мы ошибаемся: этот человек не наш»*. Лесков расходится с Катковым *«вежливо, но твердо и навсегда»*. И тот делает мудрый вывод: *«Жалеть нечего, — он совсем не наш»*. И не ошибается: Лесков становится открытым, непримиримым врагом всему катковскому «уряду мыслей», всему «попятному» направлению. Разрыв на почве идеологических противоречий на этот раз еще ярче.

По тем же законам и путям последовательно назревают и свершаются разрывы с А. А. Краевским, В. В. Крестовским, В. В. Комаровым, М. Г. Черняевым, И. С. Аксаковым, с «Историческим вестником» в лице его редактора С. Н. Шубинского, владельцем «Нового времени» А. С. Сувориным, которому были даже возвращены все его письма, и многими благомыслившими и неплохо успевавшими.

В добрый час и стих это был человек заражающей веселости и жизнерадостности. В такие минуты сыпались анекдоты, воспоминания, шутки,

ярко инсценировались, не всегда, может быть, безупречно точно, целые происшествия полуисторического порядка. И все это, почти сплошь и уж во всяком случае преимущественно, из литературного прошлого, быта, персонажа. Разворачивалась, например, юмористическая трилогия «Три генерала от литературы в щекотливых положениях».

Дело тут шло о пищеварительных и вообще интимных осложнениях, приключавшихся в различных обстановках с Гончаровым, Тургеневым и Писемским. Хохоту было вволю. Рассказывались совершенно недостоверные столкновения Толстого с умершим задолго до Крымской войны великим князем Михаилом Павловичем при возвращении артиллерийской бригады, в которой служил Толстой, из Севастополя.

Не менее неправдоподобен, но подкупающе приятен был апокриф, об удивительно колких ответах Рылеева Николаю Первому во время следствия по восстанию декабристов. Архивы тогда были недоступны, легенды создавались легко и жили стойко. Особенно желательные. Подавалось мастерским рассказчиком все живо, сочно, образно, может быть, и не без творчески-художественных уклонений от действительности, но так увлекательно и интересно, что все просили только продолжать хотя бы «до бесконечности», как говорит просвирня Препотенская в «Соборянах». В доме все расцветало, лица горели, слышался звонкий смех молодых слушателей, подростков, поощрительно улыбались старшие.

На людях, в обществе, Лесков бывал всегда центральной фигурой. При нем хозяевам уже не приходилось «занимать» своих гостей: все захватывались кипучестью его темперамента, яркостью речи, самобытностью взглядов, неистощимостью тем, неутомимостью рассказа.

Все это, впрочем, давно общепризнанно и общеизвестно, упоминается во всех воспоминаниях о Лескове. А вот есть еще одна интереснейшая его черта, о которой современный читатель, пожалуй, совершенно не знает и едва ли много о ней прочтет, которая осталась незаслуженно малоотмеченной. При общеизвестной его суровости в нем всегда была участливость к чужому горю, нужде, временному затруднению, особенно горячая, если все эти испытания постигали работников всего более близкого его сердцу литературного цеха, членов их семей или их сирот.

Здесь все делалось без чьих-либо просьб или обращений, по собственному почину, движению, как бы органическому влечению, не чуждому и большому жизненному опыту, живым воспоминаниям, живому представлению о положении человека, попавшего в беду. Немного знает литературная летопись его времени таких работников практической и неотложной помощи нуждающемуся товарищу, каким неизменно всегда был Лесков. При этом он шел на выручку и подмогу сплошь и рядом к заведомому былому недругу, а то и к прямому, изрядно досадившему и навредившему врагу. Раз бедовал литератор — колебаний не было, личные счета отпадали.

Собрать деньги; поместить в больницу; помирить с редактором; добыть кому-нибудь «работишку»; «проправить», не хуже своей собственной, чужую «работку» и протащить ее в печать; выпросить принятие юноши, исключенного

из одной гимназии с «волчьим свидетельством», в другую; исходатайствовать в мертвенном Литературном фонде пособие; пристроить в богадельню немощную и нищую писательскую вдову; уговорить на складчину для неотложного взноса платы за «право учения» исключаемой из гимназии гимназистке последнего класса, — на все такие хлопоты он всегда первый, неустанный и горячий старатель. Охотно участвуя почти во всех подписках, он нередко дарит в «сборник» готовую собственную работу, решительно отказываясь, однако, давать «на камень, когда есть нуждающиеся в хлебе живые».

Таково, в общем, было, так сказать, его credo. Исповедовал его Лесков на протяжении всей своей жизни неотступно и деловито.

Высоко ценивший творчество Н.С.Лескова М.Горький писал о нем: «Жил этот крупный писатель в стороне от публики и литераторов, одинокий и непонятный почти до самого конца дней. Только теперь к нему начинают относиться более внимательно». В самом деле, литературная судьба Лескова странна и необычна. Писатель, поднявший на высоту больших художественных обобщений новые, никем до него не исследованные стороны русской жизни, населивший свои книги целой толпой никогда до него не виданных в литературе ярких, своеобразных, глубоко национальных лиц, тончайший стилист и знаток родного языка, - он и по сию пору гораздо меньше читается, чем другие писатели такого же масштаба.

Лесков пришел в литературу не из рядов той «профессиональной» демократической интеллигенции, которая вела свое идейное происхождение от Белинского, от общественных и философских кружков 40-х годов. Он рос и развивался вне этого движения, определившего основные черты русской литературы и журналистики второй половины XIX века. Жизнь его до тридцати лет шла так, что он меньше всего мог думать о литературе и писательской деятельности. В этом смысле он был прав, когда потом неоднократно говорил, что попал в литературу «случайно».

Николай Семенович Лесков родился в 1831 году в селе Горохове, Орловской губернии. Отец его был выходцем из духовной среды: «большой, замечательный умник и дремучий семинарист», по словам сына. Порвав с духовной средой, он стал чиновником и служил в Орловской уголовной палате. В 1848 году он умер, и Лесков, бросив гимназию, решил пойти по стопам отца: поступил на службу в ту же самую уголовную палату. В 1849 году он переехал из Орла в Киев, поступил на службу в Казенную палату. В рассказе «Продукт природы» он вспоминает о себе: «Я был тогда еще очень молодой мальчик и не знал, к чему себя определить. То мне хотелось учиться наукам, то живописи, а родные желали, чтобы я шел служить. По их мнению, это выходило всего надежнее». Лесков служил, много читал и за годы киевской жизни овладел украинским и польским языками. Рядом с Гоголем его любимым писателем стал Шевченко.

Умер Николай I (1855 г.), и началось то общественное движение, которое привело к освобождению крестьян и к целому ряду последствий, изменивших старый уклад русской жизни. Эти события сказались и на жизни Лескова: он

бросил казенную службу и перешел на частную – к англичанину. Так до некоторой степени осуществилась его мечта о «живом деле». Он разъезжал по всей России – уже не как чиновник, а как коммерческий деятель, по самому характеру своей деятельности, входивший в теснейшее общение с народом. Тут-то, во время этих разъездов, Лесков познакомился с жизнью русского захолустья – с бытом, нравами и языком рабочего, торгового и мещанского люда самых разнообразных профессий и положений. Когда его опрашивали впоследствии, откуда он берет материал для своих произведений, он показывал на лоб и говорил: *«Вот из этого сундука. Здесь хранятся впечатления шести-семи лет моей коммерческой службы, когда мне приходилось по делам странствовать по России; это самое лучшее время моей жизни, когда я много видел».*

В 1860 году в киевской газете «Современная медицина» и в петербургском журнале «Указатель экономический» появились его первые статьи: «Полицейские врачи в России», «О рабочем классе», и др. Это не только статьи, сколько очерки, в них уже чувствуется рука будущего беллетриста. Лесков вставляет анекдоты, пользуется профессиональными жаргонами, пословицами и народными словечками, живо и ярко описывает быт, рассказывает отдельные сцены и эпизоды. Обличительный очерк часто превращается в фельетон, а иногда и в рассказ.

В 1861 году Лесков переехал в Петербург и начал сотрудничать в больших журналах и газетах. Ему уже тридцать лет – и он как бы нагоняет упущенное время: за годы 1861-1863 он печатает массу статей, очерков, рассказов и повестей самого разнообразного содержания. Здесь и статья по поводу смерти Шевченко, и статья о романе Чернышевского «Что делать?», и рассказ «Овцебык», и большая повесть «Житие одной бабы». Все это отличается и необыкновенным знанием народной жизни. Видно было, что этот писатель прошел через какую-то особенную школу жизни и чтения, отличающую его от других.

Время требовало точного выбора позиции, ясных решений, твердых принципов, отчетливых ответов, а Лесков не был подготовлен к этому. Защищаясь от нападков и обвинений в неверном понимании передовых идей и в клевете на передовую интеллигенцию, Лесков сам вынужден был признаться в печати: «Мы не те литераторы, которые развивались в духе известных начал и строго приготавливались к литературному служению. Нам нечем похвалиться в прошлом; оно у нас было по большей части и мрачно и безалаберно. Между нами почти нет людей, на которых бы лежал хоть слабый след кружков Белинского, Станкевича, Кудрявцева или Грановского». Под «известными началами» он понимает, конечно, те передовые идеи и теории, которые возникли еще в сороковых годах и привели к созданию и оформлению революционно-демократической интеллигенции во главе с Чернышевским. *«Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, - говорит он с некоторой запальчивостью, явно намекая на столичных писателей-интеллигентов, - а я вырос в народе на Гостомельском выгоне... Я с народом был свой человек... Публицистических рацей о том,*

что народ надо изучать, я не понимал и теперь не понимаю. Народ просто надо знать, как саму нашу жизнь, не штудирруя ее, а живучи ею». Или так: «Книги и сотовой доли не сказали мне того, что сказало столкновение с жизнью.... Всем молодым писателям надо выезжать из Петербурга на службу в Уссурийский край, в Сибирь, в южные степи.... Подальше от Невского!».

Критики не знали, как быть с Лесковым – с каким общественным направлением связать его творчество. Не реакционер (хотя объективные основания для обвинения его в этом были), но и не либерал (хотя многими чертами своего мировоззрения он был близок к либералам), не народник, но тем более не революционный демократ, Лесков (как позднее и Чехов) был признан буржуазной критикой лишенным «определенного отношения к жизни» и «мировоззрения». На этом основании он был зачислен в разряд «второстепенных писателей», с которых много не спрашивается и о которых можно особенно не распространяться.

Одним из первых восстал против этого положения Горький. Горький говорил, что Лесков *«совершенно оригинальное явление русской литературы: он не народник, не славянофил, но и не западник, не либерал и не консерватор»*. *Основная черта его героев – «самопожертвование, но жертвуют они собой ради какой-нибудь правды или идеи не из соображений идейных, а бессознательно, потому что их тянет к правде, к жертве»*.

Действительно, именно этими чертами своего творчества Лесков выделяется среди своих современников. Без него наша литература второй половины XIX века была бы очень неполной: не была бы раскрыта с такой убедительной силой и с такой проникновенностью жизнь русского захолустья.

Начав свой творческий путь в 60-х годах с насыщенных жизненным материалом очерков, направленных против уродств дореформенного строя, Лесков довольно скоро вступает в полемику с «известными началами», «готовыми понятиями», «школами» и «направлениями». Занимая позицию «скептика и маловера» он настойчиво изображает трагическую бездну, образовавшуюся между идеями и надеждами революционных «теоретиков» и дремучей Русью, из которых он сам пришел в литературу. В первом же рассказе – «Овцебык» (1863) он описывает судьбу своего рода революционного «праведника», семинариста-агитатора, «готового жертвовать собою за избранную идею». Характерно, однако, что этот праведник – вовсе не интеллигент и не теоретик: *«Новой литературы он терпеть не мог и читал только евангелие да древних классиков... Он не смеялся над многими теориями, в которые мы тогда жарко верили, но глубоко и искренно презирал их»*. *О столичных журналистах он говорит: «Болты болтают, а сами ничего не знают... Повести пишут, рассказы!.. А сами, небось, не тронутся»*.

Лесков считал, что сложные проблемы жизни пореформенной России нельзя решить путем революционных преобразований.

Все те явления, о которых идет речь в важнейших произведениях Лескова 60-х годов, находят себе объяснение в особенностях исторической обстановки, социальных, общественных отношений.

Индивидуальной художественной особенностью писателя является то, что его больше всего волнуют процессы распада общественных связей внутри старых классов-сословий и вопросы «полного уничтожения сословных делений».

Именно с этой сильной стороной, чрезвычайно противоречивой, в целом позиции Лескова, следует связывать столь существенно важную для Лескова 70-80-х годов тему поисков «праведника», тему положительных начал в русской жизни и положительного типа человека, заново формирующегося в эпоху, когда «все перевернулось и только еще укладывается».

Резко и отчетливо эта тема выразилась в «Соборях» (1872), за которыми последовали «Запечатленный ангел» (1873) и «Очарованный странник» (1873). Своих положительных героев Лесков ищет совсем не там, где их искали Гоголь, а позднее – Достоевский или Тургенев, он ищет их в разных слоях народа, в русском захолустье.

Особенно важна для понимания смысла и дальнейшего движения темы «праведника» в творчестве Лескова повесть **«Очарованный странник» (1873)**. Здесь Лесков уже отходит от церковной темы: черноземный богатырь Иван Северьяныч Флягин, видом своим похожий на Илью Муромца, знаток лошадей, «несмертельный» авантюрист, становится монахом-черноризцем только после тысячи приключений, когда ему уже «дется было некуда».

Эпопея странника есть вместе с тем (и это главная ее тема) поиски новых связей, поиски высоких нравственных норм. В результате «хождения по мукам», странничества, Иван Флягин обретает эти высокие нравственные нормы.

Таким образом, тема «праведника» в творчестве Лескова в целом чрезвычайно значима. В ней, в этой теме, выражено стремление писателя найти в эпоху распада старых общественных связей новые формы поведения, нравственности.

Тот особенный идейный подход к явлениям социальной жизни, который характерен для зрелого творчества Лескова, обуславливает оригинальный, своеобразный подход писателя к проблемам **художественной формы**. Горький видел важнейшую отличительную особенность Лескова – мастера формы в принципах решения им: проблемы поэтического языка. Горький писал: *«Лесков – тоже волшебник слова, но он писал не пластически, а – рассказывая, и в этом искусстве не имеет себе равных. Его рассказ – одухотворенная песнь, простые, чисто великорусские слова»*. Все более и более явственно отпадает от образа «праведника», консервативная ограниченность, на время заслонившая от Лескова социальное значение поисков положительного героя. Эта консервативная ограниченность в целом ряде случаев определяла иконописно-стилизованное решение темы «праведника», идеализацию «смирения» и «покорности», граничившую подчас в художественном плане. Для дальнейшего

движения темы важнее всего то, что «праведничество» у Лескова все больше демократизируется.

В этом отношении очень типичен для Лескова его **«Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» (1881)**. Трудовая виртуозность здесь становится подлинным художеством, артистичностью. Но не без горечи Лесков подчеркивает в этой виртуозной трудовой умелости черты чудачества, почти что эксцентрики. Лесков хочет, чтобы русский человек говорил сам о себе и за себя – и притом именно простой человек, который не смотрит на себя со стороны, как обычно автор смотрит на своих персонажей. Он хочет, чтобы читатель послушал самих этих людей, а для этого они должны говорить и рассказывать на своем языке, без вмешательства автора. Между героем и читателем не должно быть третьего, постороннего лица.

Особый лесковский **«прием мастерства»** сказывается, разумеется, не только в языке и обусловлен не только решением узко языковых проблем. Новая идейная функция героя из разных слоев народа заставляет Лескова по-новому решать проблемы композиции, сюжета, характера. **Вещи Лескова часто ставят читателя в тупик при попытке определить их жанровую природу. Лесков часто стирает грань между газетной публицистической статьей, очерком, мемуаром и традиционными формами «высокой прозы» - повестью, рассказом. В этом есть свой особый идейный смысл. Функция автора – убрать «литературные средостения» и ввести читателя прямо в пестроту самой жизни. Лесков создает свой особенный жанр литературы, и его работа в этом направлении очень помогла впоследствии Горькому, тоже стремившемуся писать не «роман» и не «повесть», а самую «жизнь».**

Резкое изменение общественной позиции Лескова, изменение, отчетливо сказывающееся примерно с конца 70-х – начала 80-х годов и многообразно преломляющееся и в творческом и в жизненном пути писателя. В связи с этим особый общественный интерес имеют некоторые биографические факты, относящиеся к этому последнему периоду жизни Лескова. Большое общественное значение, несомненно, имел скандал, разыгравшийся при издании Лесковым, уже в конце жизни, собрания его сочинений. Предпринятое писателем в 1888 году издание десяти томного собрания сочинений. Издание было начато, и дело шло благополучно до шестого тома, в состав которого вошли хроника «Захудалый род» и ряд произведений, трактующих вопросы церковной жизни («Мелочи архиерейской жизни», «Епархиальный суд» и т.д.). На том был наложен арест, так как были усмотрены в его содержании антицерковные тенденции. Для Лескова это было огромным моральным ударом – возникла угроза краха всего издания. Ценой изъятия и замены неудобных цензуре вещей, после долгих мытарств, удалось спасти издание. (Изъятая цензурой часть тома впоследствии была, по-видимому, сожжена.) Собрание сочинений имело успех и оправдало возлагавшиеся на него писателем надежды, но скандальная история с шестым томом дорого стоила писателю: в день, когда Лесков узнал об аресте книги, с ним впервые, по его собственному свидетельству, произошел припадок болезни, через несколько лет (21 февраля/5 марта 1985 г.) сведший его в могилу.

Изменение литературно-общественной позиции Лескова в последний период его жизни известным образом характеризуется и кругом журналов, в которых он печатается. В его сотрудничестве заинтересованы журналы, которые ранее от него отворачивались.

К концу жизни Лескова сатирическая линия его творчества резко усиливается и одновременно выступает явственно ее внутренняя связь с теми большими вопросами русской жизни и русской национальной истории, которые писатель решал в других планах своего творчества. И с этой точки зрения важна и показательна для понимания его идейно-художественной эволюции история его сближения и его расхождения с Львом Толстым. Близость Лескова на определенном этапе его творческого развития с Толстым ни в коей мере не является случайной. В самих путях исторического движения Толстого и Лескова были элементы несомненного схождения. Поэтому в общественно-исторических и нравственных изысканиях Лескова 60-70-х годов можно обнаружить немало элементов, которые в эпоху крутого перелома в воззрениях Лескова органически сближат его в еще большей степени, уже прямо и непосредственно с Толстым. Сам писатель заявлял по этому поводу следующее: *«Лев Толстой был мне благодетелем. Много я до него понимал, как он, но не был уверен, что сужу правильно».*

Но Лесков не превратился в толстовца. Более того, первоначальный пыл увлечения прошел, наступило отрезвление. Лесков иронически отзывается о толстовстве и особенно, о толстовцах. Лесков заявляет прямо, что он не согласен с толстовством как с совокупностью, системой взглядов: *«он хочет, и сын его, и толстовцы, и другие – он хочет того, что выше человеческой натуры, что невозможно, потому что такое естество наше».* Для Лескова неприемлемо толстовство как догма, как программа, как утопический рецепт перестройки человеческой природы и человеческих отношений. Если приглядеться внимательно к циклу его последних, наиболее острых в социальном отношении вещей, то обнаружится, что Толстой усилил в Лескове остроту его критического взгляда на действительность.

Группа последних вещей Лескова – таких, как «Полуношники» (1891), «Импровизаторы» (1892), «Юдоль» (1892), «Административная грация» (1893), «Загон» (1893), «Зимний день» (1894), «Заячий ремиз» (1894), - показывает нам художника, который не только объективным содержанием своего творчества раскрывает неправду общественных отношений, но и осознанно борется с социальным злом. В этом цикле произведений возникают заново важнейшие темы, волновавшие Лескова на протяжении всего его творчества, - вопросы крепостничества и его последствий для жизни пореформенной России, вопросы распада старых социальных связей и последствий этого распада для человеческой личности, поиски нравственно полноценного существования человека в обстановке разложения старых и складывания новых форм жизни, наконец, вопросы национально-государственного развития России.

Лесков стремился в своем творчестве постигнуть жизнь разных классов, социальных групп, сословий России, создать многокрасочный, сложный, во

многим еще до него неизученный (в тех аспектах, которые его особенно волновали) образ всей страны в один из самых запутанных и трудных периодов ее существования. Отсюда вытекают острые противоречия его творческого пути. Диапазон национальной темы у Лескова огромен. Его творчество охватывает не только разнообразные классы, профессии и бытовые состояния, но и самые разнообразные области России с населяющими их народами.

Внимание Лескова к жизни людей разных классов, сословий, социальных групп, профессий, бытовых образований оказалось очень ценным для А.П. Чехова, который несколько в иных условиях, по-своему, иначе, чем Лесков, стремился создать широчайшую картину жизни России в ее разных, преимущественно не затрагивавшихся до него никем, кроме Лескова, проявлениях. В конце своей жизни М.Горький, делаясь опытом с молодыми литераторами, писал: *«Я думаю, что на мое отношение к жизни влияли каждый по-своему – три писателя: Помяловский, Гл. Успенский и Лесков».*

Горьковские образы «выломившихся» людей, «озорников», «чудаков», людей живущих «не на той улице», - при всех исторических поправках, вероятно, генетически связаны с исканиями в этом направлении Лескова. Так оказался ценным и плодотворным в истории литературы идейно-художественный опыт писателя, который в своем творчестве, как говорится, на страницах «Жизни Клима Самгина», «пронзил всю Русь».

ПОЭТИКА ЛЕСКОВА

В. Гебель

КАК ЛЕСКОВ РАБОТАЛ

Каждый, кто был знаком с творчеством Лескова, убеждался, что обстановка его рабочего кабинета, напоминающая художественный музей собраниями редких книг, гравюр, образцов живописного искусства русских и иностранных художников, старинных икон Строгановского и заонежского письма, всевозможных коллекций, в том числе драгоценных камней, характеризовала его интересы, его эстетические вкусы и в известной степени тематику его многочисленных произведений.

У Лескова к концу жизни имелась и обширная библиотека, в которой находилось до трех тысяч томов; среди них было немало очень редких древних книг, запрещенных и старопечатных изданий. Все это также питало творчество писателя, подсказывая ему темы и замыслы его произведений. Записные книжки Лескова содержат многочисленные выписки из самых разнообразных источников. В них, например, приведены изречения Паскаля, Сковороды, Сенеки, Боккаччо, Плавта, много выдержек из древних лириков; цитируются восточные философы Лао-Цзы, Заратустра, Конфуций и др.

Неутомимый читатель и коллекционер — Лесков был одновременно и страстным убежденным сторонником необходимых для литератора разъездов по российским просторам. И, может быть, ни один из русских писателей-классиков догорьковского периода не ездил так много по своей стране, не наблюдал так обстоятельно ее быт и порядки, как Лесков.

ЗАГЛАВИЯ

Лесков большое внимание уделял вопросам орнаментирования произведения. Значительную роль играл самый выбор заглавия. *«Я люблю заглавие, — говорил писатель, — чтобы оно было живо и в самом себе рекомендовало содержание живой повести»*. Склонный к оригинальному, причудливому, занимательному, Лесков проявлял особую изобретательность в заглавиях своих произведений и, случалось, оказывал помощь в этом отношении и своим собратьям.

«Заглавие тоже хорошо, — пишет Лесков Ф. А. ТерновскОму 12 ноября 1882 года по поводу полученной статьи, — но я бы его несколько изменил, чтобы казалось еще независимее. Почему бы ни озаглавить так, например: «Византийский отблеск в русском боярстве — опыт бокового освещения к русским фигурам «боярской думы»? Ко мне частенько «братия» толкаются за заглавиями и смеясь «просят наречь имя младенцу».

Дать занимательное заглавие, привлечь им внимание к произведению — вот чем, прежде всего, руководствовался Лесков при выборе названия

ЭПИГРАФЫ

В тех же целях привлечения читательского внимания Лесков широко пользовался и эпиграфами. Эпиграф, поставленный перед изложением, дает как бы тон всему произведению, вскрывает его основной замысел. На помощь писателю приходила его широкая начитанность, исключительная память. Мы находим у него эпиграфы из Пушкина, Тургенева, Даля, Майкова, Фета, Гёте, Карлейля, «Житий», Евангелия, народных песен, сказаний и поговорок.

Подыскание эпиграфа всегда было для Лескова важным моментом подготовительной работы, предшествовавшей созданию текста. Задолго до написания рассказов из легендарного цикла Лесков заносил в свою записную книжку некоторым из них («Гора», «Аскалонский злодей») эпиграфы.

КОМПОЗИЦИЯ

Хроникальная композиция особенно показательна для тех произведений Лескова, в которых рассказчик, он же герой, повествует окружающим слушателям о приключениях и происшествиях своей жизни.

Это наблюдается, например, в таких произведениях, как **«Очарованный странник»**, **«Смех и горе»**, **«Заячий ремиз»**. Многочисленные фабульные эпизоды, которые по существу являются «вставными новеллами», объединены личностью рассказчика. Все другие герои становятся эпизодическими. По мысли Лескова, здесь, как в «Мертвых душах» Гоголя, «герой и среда должны идти рядом». Характерны подзаголовки такого рода произведений: **«Очарованный странник, его жизнь, опыты, мнения и приключения»**, **«Смех и горе, разнохарактерное por pourri из пестрых воспоминаний полинявшего человека»**, **«Заячий ремиз»** — **наблюдения опыта и приключения Оноприя Перегуда из Перегудов»**.

Конечно, не все произведения этого жанра одинаково удавались Лескову. Например, такое длинное сцепление эпизодов, как в ранних очерках «Смех и горе», может быть, несколько утомляет читателя. Но все это преодолевалось писателем в других произведениях, вобравших и богатейший запас жизненных впечатлений писателя и воплотивших его очень скоро созревшее повествовательное мастерство. **Одной из лучших повестей Лескова, написанных в этой манере, бесспорно, является «Очарованный странник».** Несмотря на скупость пейзажных зарисовок, пейзаж является у Лескова существенным звеном в общей конструкции многих рассказов. Лесков никогда не берет природу в плане контраста с окружающей жизнью людей. Наоборот, мы у него встретим яркие примеры полной гармонии между миром природы и жизнью людей. Лесков любил пейзажным обрамлением, сходным образом из мира природы подчеркивать и раскрывать характер, поведение, душевные переживания своих персонажей. Еще в романе **«Соборяне»**, давая величественную картину рассвета на реке, *«когда разредивший туман, словно весь пропитан янтарным «тоном», все «обагрилось багрецом и лазурью» и «в*

этом ярком могучем освещении появляется купающийся богатырь Ахилла», Лесков писал:

«Этот пейзаж и жанр представляли собой простоту старогородской жизни, как увертюра представляет музыку оперы», «Увертюрой» к содержанию образа, определенному моменту переживаний, настроений того или иного действующего лица и является лесковский пейзаж.

Вдумчивый художник, прекрасный знаток русского быта, Лесков умел ценить сочность, яркость и точность бытовых описаний. Предварительно добросовестно, тщательно изучив необходимый ему бытовой фон, он любовно воссоздавал его затем в творчестве. **Самый характер бытовых описаний связывается с жанровыми особенностями произведений.** Так, Лесков часто прибегал к широким детальным бытовым изображениям внешнего антуража, экспозициям, вводным биографиям героев в своих крупных по объему произведениях. Это лучшие страницы в его, во многих отношениях неудачных, ранних романах (например, описание уездного городка в романе «Некуда»). Но уже в «Соборянах» писатель отказался от экспозиции и вводных биографий. «Годы ранней молодости этих людей, так же как и пора их детства, нас не касаются», — писал он в этой хронике.

Для Лескова в большей степени, чем подробные бытовые изображения, характерны предельно сжатые, непосредственно связанные с действием бытовые зарисовки. Поучительна в этом отношении выразительная бытопись «Леди Макбет Мценского уезда».

«При всем довольстве и добре, житье Катерины Львовны в свекровном доме было самое скучное... Встанут свекор с мужем ранехонько, напьются в шесть часов утра чаю, да и по своим делам, а она одна слоняет слоны из комнаты в комнату, везде чисто, везде тихо и пусто, лампы сияют перед образами, а нигде по дому ни звука живого, ни голоса человеческого».

К образным словам, оборотам орловской речи Лесков охотно прибегал и в своих произведениях и нередко объяснял в подстрочных примечаниях отдельные термины, редкие слова с своего края.

Эта любовь Лескова к выразительному «полномысленному» народному слову развилась постепенно, начиная еще с детских лет. Горький, высокий ценитель и знаток народного творчества и языка, отмечает, что *«Пушкин высоко ценил язык «московских просвирен», учился у своей няни Арины Родионовны. Замечательнейший знаток речевого языка, Лесков тоже учился у няньки, солдатики. И вообще, скромные няньки, кучера, рыбаки, деревенские охотники и прочие люди тяжелой жизни определенно влияли на развитие литературного языка, но литераторы из стихийного потока бытового языка произвели строжайший отбор наиболее точных, метких и наиболее осмысленных слов».*

Лесков по следам своих предшественников, особенно Даля и Гоголя, бережно собирал сокровища «народного слова», рожденного в самых глухих уголках России. Его чуткий слух художника жадно прислушивался к звучанию меткого гибкого русского слова, к типичным особенностям профессиональных и местных говоров.

В шестидесятые годы выходят «Картины из русского народа» Даля и его известные труды «Пословицы русского народа» и «Толковый словарь живого великорусского языка». Все это изучалось и осваивалось Лесковым. Ему был чрезвычайно близок язык казака Луганского, шутливо-веселый, витиеватый, расцвеченный меткой русской пословицей и поговоркой. Широко и богато разработанная в творчестве Даля и Вельтмана манера «сказа» у Лескова достигла исключительно высокого мастерства. Даль укрепил и интерес Лескова к так называемой народной этимологии.

И. Лукаш

Лесков окружил себя русскими праведниками как магнетическим кругом. И когда он уставал от битвы с судьбой, он точно закрывал глаза на все, что творится кругом, — на Россию и на ее людей. Он замыкался в своем вневременном круге, — в созерцательной недвижимости, в праведном стоянии, — и, как искусный изограф, писал образы своих отшельнических видений. Таковы его «Апокрифы», прекрасные и усталые.

И когда отчаивался Лесков, он потешался, он издевался над всем тем, что все равно должно сгинуть — над Рассеей, — и его прославленный язык — язык отчаяния.

Непременное искажение слов, причудливое сцепление фраз, нарочитая неправильность, тяжелые груды языковых сочетаний — точно Лесков пишет не на русском языке, на причудливом языке Рассеи, Пошехонии или комедии о царе Максимилиане;

Это гротесковая и нарочитая смесь простонародной, солдатской и департаментской «кожевряжистой» речи, куда еще изобильно влиты четьи-минейные обороты и образы. Это смутный язык послепетровского имперского смешения, как бы еще не дошедший до сознания, еще не переработанный им. Именно таким языком говорит лесковская Рассея.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ЛЕСКОВ

(1831 – 1895)

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. С. ЛЕСКОВА

1831, 4 (16) февраля. В селе Горохове Орловского уезда Орловской губернии у отставного коллежского асессора Семена Дмитриевича Лескова и его жены Марьи Петровны (урожд. Алферьевой) родился сын Николай.

1841. Лесков поступает в 1-й класс Орловской губернской гимназии.

1846. Лесков, после двух неудавшихся попыток сдать выпускные экзамены за 3-й класс, получает свидетельство из Орловской гимназии о пройденных им «науках» в двух классах.

1847. Постановлением Орловского губернского правления Лесков принят на службу в Орловскую палату уголовного суда с «причислением ко 2-му разряду канцелярских служащих».

1848. Переведен в 1-й разряд канцелярских служащих.

Июль. В своем имении — селе Панине Кромского уезда Орловской губернии умирает от холеры отец Н. С. Лескова.

27 сентября. Лесков определен помощником столоначальника.

1849, сентябрь. Получив двухмесячный отпуск, Лесков уезжает в Киев. Подает прошение в Киевскую казенную палату «о перемещении в оную на службу».

31 декабря. Перемещен в штат Киевской казенной палаты. Переезжает в Киев, где поселяется у своего дяди — Сергея Петровича Алферьева (1816— 1884).

1850. «Определен» помощником столоначальника по рекрутскому столу ревизского отделения Киевской казенной палаты.

1853, 6 апреля. Женится на дочери состоятельного киевского домовладельца и коммерсанта Ольге Васильевне Смирново (1831 — 9 апреля 1909).

Июль. Произведен в коллежские регистраторы.

Октябрь. «Определен» столоначальником Киевской казенной палаты.

1854. Рождение первого сына Лескова, «в честь мудрого и уважаемого за твердость деда» нареченного Дмитрием (ум. в 1856 г.).

1856. Рождение дочери Веры (в замужестве Нога; ум. в 1918 г.).

Июль. Лесков произведен в губернские секретари.

1857, май. Получает отпуск на четыре месяца и отправляется в село Райское Городищенского уезда Пензенской губернии на службу в английскую коммерческую компанию «Шкотт и Вилькенс» мужа своей тетки по матери Александры Петровны — Александра Яковлевича (Джеймсовича) Шкотта.

Сентябрь. Подает прошение об увольнении «по болезни» от службы в Киевской казенной палате.

Октябрь. «Уволен согласно прошению вовсе от службы».

1857—1859. Ездит по России, выполняя поручения компании: «Это самое лучшее время моей жизни, когда я много видел».

1860. В Одессе завершил работу над «Очерками винокуренной промышленности...».

28 апреля. Возвращение с семьей в Киев.

18 июня. Первое выступление Лескова в печати — анонимная корреспонденция без заглавия в отделе «Слухи и вести» петербургского журнала «Указатель экономический» (№ 181) — о торговле киевским книгопродавцем С. И. Литовым Евангелием по двойной цене.

21 июня. Появление первой подписанной именем «Николай Лесков» публикации. Это «Корреспонденция (Письмо г. Лескова)» в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 135).

1861, январь. Лесков приезжает в Петербург. Знакомится с Т. Г. Шевченко, который дарит ему свой «Букварь южнорусский».

28 февраля. Лесков на заупокойной обедне по Шевченко в церкви Академии художеств и на его похоронах (Смоленское кладбище).

Апрель. Публикация в журнале «Отечественные записки» (№ 4) лесковских «Очерков винокуренной промышленности (Пензенская губерния)», на оттиске автор сделал надпись: «Лесков 1-я проба пера. С этого начата литературная работа (1860г.).»

Лето. Переезд в Москву. Знакомство с филологом Ф. И. Буслаевым.

Осень. Разъезд с женой, которая с дочерью возвращается в Киев.

Декабрь. Переезд в Петербург.

1862, январь Начало сотрудничества с газетой «Северная пчела».

Март. Публикация в журнале «Век» за подписью «М. Стебницкий» рассказа Лескова «Погасшее дело (Из записок моего деда)» (впоследствии — «Засуха») — первое беллетристическое выступление писателя в печати.

Май. Пожары в разных частях Петербурга, вызвавшие слухи о поджогах. В «Северной пчеле» появляется статья Лескова, требующая официального расследования причин пожаров и пресечения разнородных и противоречивых слухов о них.

6 сентября. Отъезд Лескова из Петербурга в Вильну.

Сентябрь — декабрь. Лесков в западных губерниях Российской империи, Праге, Париже.

1863, январь — март. Лесков в Париже. Возвращение в Петербург.

Апрель. Начинает работать над романом «Некуда».

Август. Выходит сборник «Три рассказа М. Стебницкого. 1. История одного умопомешательства. 2. Разбойник. 3. В тарантасе» (СПб., типография Н. И. Греча).

8 сентября. В журнале «Библиотека для чтения» начинает публиковаться повесть Лескова «Житие одной бабы».

1864, февраль. В «Библиотеке для чтения» (№ 1) начинает печататься роман «Некуда».

Июль. Знакомство в Киеве со своей будущей гражданской женой (с 1865 г.), матерью четверых детей, расставшейся с кутилой-мужем, Екатериной Степановной Бубновой (урожд. Савицкой).

26 ноября. В Киеве. Датировка рассказа «Леди Макбет Мценского уезда».

1865. В журнале Ф. М. Достоевского «Эпоха» публикуется рассказ «Леди Макбет Мценского уезда».

Февраль. Лесков возвращается в Петербург из Киева.

21 марта. Выходит первое издание романа «Некуда».

1866, 4 апреля. В «Отечественных записках» (№ 7, кн. 1) публикуется очерк «Воительница» .

12 июля. Родился сын Лескова и Е. С. Бубновой Андрей (ум. 5 ноября 1953), названный так матерью, киевлянкой по происхождению, в честь святого Андрея Первозванного, совершившего в Киеве свой апостольский подвиг.

1867, 29 марта. В журнале «Отечественные записки» начинает публиковаться хроника Лескова «Чающие движения воды» (впоследствии «Соборяне»).

Ноябрь. Первая постановка единственной пьесы Лескова — драмы «Расточитель», завершенной в мае, в Александрийском театре в бенефис Е. М. Левкеевой.

1868, февраль. В журнале «Литературная библиотека» (№ 1) начинает публиковаться хроника «Божедомы» (одна из редакций «Соборян»).

Декабрь. Первая постановка «Расточителя» в московском Малом театре в бенефис Е. Е. Чумаковской.

1869, март. В газете «Биржевые ведомости» начинается публикация серии статей «Герои Отечественной войны по гр. Л. Н. Толстому».

1870, ноябрь. В московском журнале «Русский вестник» (№10) начинается публикация романа «На ножах» (окончание: 1871. № 10).

1871, январь. В журнале «Современная летопись» (№ 1) начинает публиковаться повесть Лескова «Смех и горе».

Март. Участвует в организационном собрании Литературно-художественного кружка в петербургской гостинице Демута, где присутствовало более 150 деятелей искусства и литературы, в частности: И. С. Тургенев, М. О. Микешин, А. Г. Рубинштейн, М. А. Балакирев, В. В. Самойлов, М. П. Клодт.

Ноябрь. В Москве выходит отдельное издание романа «На ножах».

1872, апрель. В журнале «Русский вестник» начинает публиковаться хроника «Соборяне».

Июнь. Лесков совершает поездку по Ладожскому озеру на острова Коневец и Валаам, задумывает повесть «Черноземный Телемак» («Очарованный странник»), работает над очерками «Монашеские острова на Ладожском озере».

Июль— декабрь. Пишет повесть «Запечатленный ангел».

19 ноября. Выходит роман Виктора Гюго «Труженики моря», «приспособленный для детей М. Стебницким».

1873, 17 января. В «Русском вестнике» публикуется повесть «Запечатленный ангел».

Январь— ноябрь. Работает над хроникой «Захудалый род».

Октябрь— ноябрь. В газете «Русский мир» публикуется повесть «Очарованный странник, его жизнь, опыты, мнения и приключения».

Декабрь. В Петербурге выходит отдельное издание «Очарованного странника».

1874, январь. Лесков назначен членом особого отдела Ученого комитета министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых (для народа).

Июль. В «Русском вестнике» (№ 7) начинает публиковаться хроника «Захудалый род».

Октябрь.(?) Споры с Катковым о дворянстве и отказ дописывать «Захудалый род»: «разошлись вежливо, нетвердо и навсегда» (Лесков). Катков сказал: «Жалеть нечего, — он совсем не наш».

Ноябрь. Лесков, ища «возможность свободно служить литературе» и быть независимым от издательских гонораров, решает поступить на службу, которая требовала бы «ума, добросовестности и прилежания, но не авторского творчества». Обращается с просьбой помочь в отыскании должности к И. С. Аксакову. Однако поиски оказываются безуспешными.

31 декабря. Встречает Новый год у дочери Дениса Давыдова Ю. Д. Засецкой, переводчицы, «старостиhi редстоковской церкви в России» (Лесков), т. е. последовательницы полковника Редстока, создателя христианской секты.

1875, январь. В журнале «Нива» (№ 1) начинается публикация повести Лескова «Блуждающие огоньки» (впоследствии: «Детские годы. Из воспоминаний Меркула Праотцева»). Лесков знакомится с историком литературы Ильей Александровичем Шляпкиным (1858—1918), впоследствии исследователем его творчества. Май С заездом в Москву Лесков отправляется за границу. Около 20 мая (1 июня) Лесков приезжает в Париж. Знакомство с князем И. С. Гагариным и выяснение у него, по просьбе И. С. Аксакова, подробностей преддуэльной истории Пушкина. Встречи с Ф. И. Буслаевым. Посещение театра Comedie Francaise.

Июль. Переезд из Парижа в Мариенбад для водолечения. В Мариенбаде начат роман «Чертовы куклы».

Август. Лесков в Праге. Лесков в Дрездене. Прогулка пешком по саксонской Швейцарии. Проезжает через Гамбург в Варшаву.

27 августа. Возвращение в Петербург.

28 декабря. В еженедельнике «Гражданин» (№ 52) начинает печататься рассказ «На краю света».

1876, июль— август. Проводит лето с сыном на даче Ю. Д. Засецкой Пикруки под Выборгом.

18 сентября. В журнале «Кругозор» (№ 38) начинает публиковаться рассказ «Железная воля».

1877, июнь. Лесков причислен к министерству государственных имуществ «с оставлением на службе и по министерству народного просвещения».

Август. Окончательный разрыв с Е. С. Бубновой. Лесков с сыном Андреем переезжает в дом купца Семенова (угол Коломенской улицы и Кузнечного переулка).

Октябрь. В «Гражданине» (№ 23—24) начинает публиковаться рассказ Лескова «Некрещеный поп».

Ноябрь. Лесков зачислен чиновником особых поручений при министре государственных имуществ П. А. Валуеве.

1878, сентябрь. В газете «Новости» (№ 236) начинают публиковаться «картинки с натуры **«Мелочи архиерейской жизни».**

1879, июнь. На пароходе выезжает в Ригу и поселяется в местечке Карлсбад под Дуббельном. Пишет здесь рассказы **«Однодум» и «Шерамур».**

25 декабря. В газете «Новое время» (№ 1375) публикуется рассказ «Рождественский вечер у ипохондрика» (впоследствии «Чертогон»).

1880, январь. В журнале «Исторический вестник» (№ 1) публикуется рассказ «Кадетский монастырь».

15 марта. Выход сборника рассказов «Три праведника и один Шерамур».

Май. Заболевает воспалением легких. Во время болезни пишет очерки «Из мелочей архиерейской жизни».

Июнь. В «Новом времени» начинают публиковаться очерки «Случаи из русской демономании» (№ 1529).

Июль — начало октября. Работает над рассказом «Несмертельный Голован».

Декабрь. В журнале «Исторический вестник» (№12) публикуется рассказ «Несмертельный Голован». «Согласно прошению» Лесков отчислен от министерства государственных имуществ. В «Новом времени» (№ 1735) публикуется рассказ «Белый орел».

1881, 28 января. В журнале «Игрушечка» (№ 1) публикуется рассказ «Христос в гостях у мужика».

21 января. Скончался Ф. М. Достоевский. Лесков был на выносе тела из квартиры Достоевского в Кузнечном переулке и шел в процессии до Александро-Невской лавры. 1 марта. Во время прогулки Лесков и его сын, услышав звуки взрывов, отправляются на Екатерининский канал, где только что произошло злодейское убийство императора Александра II. Лесков говорит о бессмысленности и пагубности терроризма, провоцирующего широкие репрессии.

Апрель—май. Работа над «Сказом о тульском косом Левше и о стальной блохе» и рассказом «Леон, дворецкий сын».

Октябрь. Лесков устраивает у себя литературные вечера в первую субботу каждого месяца в течение всего зимнего сезона. На них бывают Н. А. Лейкин, А. Н. Майков, С. Н. Терпигорев, С. В. Максимов, историки С. Н. Шубинский, М. И. Пыляев, В. О. Михневич и др.

17 октября. Начало публикации «Левши» в журнале «Русь» (№ 49). .

1882. март. Лесков выступает на литературно-музыкальном вечере Пушкинского кружка с чтением «Левши».

Апрель. В Петербурге выходит отдельное издание «Сказа о тульском косом Левше...».

Июнь. Написана заметка «О русском Левше». На следующий день вышла в газете «Новое время» (М° 2256).

Август. Лесков с сыном ездил в село Важино на р. Свирь. На обратном пути они были в Александро-Свирском монастыре.

Ноябрь. В «Новостях и Биржевой газете» (№ 294, 295) публикуется рассказ «Последнее привидение Инженерного замка» (впоследствии «**Привидение в Инженерном замке**»).

Декабрь. В «Новом времени» (№ 2453) опубликован рассказ «Рождественская ночь в вагоне» (впоследствии «Путешествие с нигилистом»).

1883, 9 февраля. «Определением» министра народного просвещения И. Д. Делянова Лесков отчислен от министерства с увольнением от звания члена особого отдела Ученого комитета «по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения» (приказ был издан 21 февраля). Лесков *«прошения не подал и на просьбу упомянуть о прошении— не согласился»*.

11 февраля. В журнале «Киевская старина» (№ 2) начинают публиковаться очерки «Печерские антики».

19 февраля. В «Газете А. Гатцука» (№ 7) начинает публиковаться роман «Соколий перелет» (до 12 марта. Печатание прекращено по цензурным условиям). За несколько часов до подписания с Лесковым условий об издании его собрания сочинений умирает издатель М. О. Вольф.

6 марта. В «Художественном журнале» (№ 2) публикуется рассказ «Тупейный художник».

8 марта. Лесков пишет «Письмо в редакцию «Новостей и Биржевой газеты» об увольнении его со службы в министерстве народного просвещения без прошения (напечатано 10 марта в № 65).

Апрель. В «Новостях и Биржевой газете» (№ 1 и 3) публикуется статья Лескова «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи». Лесков сообщает директору Орловской гимназии о передаче полученной им золотой медали (за работу в комиссии министерства народного просвещения) беднейшему из воспитанников, оканчивающих гимназию в 1884 г.

12 октября. Встреча с А. П. Чеховым.

Ноябрь. Появление в семье Лескова Вари Кукк (4 декабря 1879—1968), вскоре ставшей его приемной дочерью.

Декабрь. В «Новостях и Биржевой газете» (№ 245) публикуется статья Лескова «О русских именах». В Петербурге тиражом 50 экз. анонимно отпечатан очерк Лескова «Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу» (на титуле указано: СПб., 1884). Книга предназначена не для продажи, а для правительственной комиссии графа К. И. Палена, расследовавшей причины еврейских погромов на юге России в 1881—1882 гг. **В журнале «Задушевное слово» (№ 8) публикуется рассказ «Неразменный рубль». В рождественском приложении к «Газете А. Гатцука» печатается рассказ «Зверь».**

1884, январь. В «Живописном обозрении» (№ 2) начинает публиковаться рассказ «Отборное зерно». Лесков выступает на литературно-музыкальном вечере Пушкинского кружка с чтением рассказов из серии «Заметки неизвестного»¹³ марта. В 6 часов вечера Лесков выступает с приветственной речью на

торжественном обеде по случаю приезда в Петербург немецкого писателя Фридриха Шпильгагена в «Hotel de France».

1(13) июня—29 июля (10 августа) Лесков путешествует: Варшава, Дрезден, Мариенбад, Прага, Вена.

1885, 1 января. В журнале «Новь» (№ 5) опубликован рассказ «Жемчужное ожерелье».

Декабрь. Санкт-Петербургский цензурный комитет постановил вырезать и уничтожить напечатанную в № 12 «Исторического вестника» статью Лескова «Бракоразное забвение». Выходит сборник «Святочные рассказы Н. С. Лескова» (СПб.; М., 1886).

1886, апрель. Санкт-Петербургским цензурным комитетом запрещена лесковская «Повесть о богоугодном дровоколе».

Июнь—август. Лесков живет в Аренсбурге (Эстляндская губерния).

Декабрь. В журнале «Русская мысль» (№ 12) публикуется рассказ «Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине». Выходит сборник «Рассказы кстати» (СПб.; М., 1886).

1887, февраль. Присутствует на открытии народного театра на Васильевском острове и в тот же день пишет об этом заметку («Новое время». 9 февр. № 3933). 1 марта. В «Историческом вестнике» (№ 3) публикуется повесть Лескова «Скоморох Пафмалон».

Апрель. В журнале «Русская мысль» (№ 4) публикуется рассказ «Спасение погибавшего» (впоследствии «Человек на часах»). Лесков обращается к Л. Н. Толстому с просьбой разрешить прийти к нему во время ближайшего приезда в Москву (*«чтобы могло осуществиться мое давнее горячее желание видеться с вами в этом существовании»*). Москва. Первая встреча с Л. Н. Толстым (25 апреля Толстой пишет В. Г. Черткову о Лескове: *«Какой умный и оригинальный человек»*). Май—август Лесков в Аренсбурге. 31 декабря. Встречает Новый год у А. С. Суворина, где знакомится с Антоном Павловичем Чеховым. В конце этого года знакомится с И. Е. Репиным.

1888, 10 февраля. Читает Репину рассказ «Лев старца Герасима».

15, 24 марта. Встречается в редакции «Нового времени» с А. П. Чеховым, приехавшим из Москвы. **Смерть В. М. Гаршина.**

26 марта. Лесков пишет Суворину: *«Неужели Гаршин не стоил траурной каемки вокруг его трагического некролога?...»*

30 марта. Дарственная надпись Я. П. Полонскому на *«последней корректуре»* посвященной ему легенды «Прекрасная Аза».

22 апреля. Благодарит в письме А. С. Суворина за предложение издать полное собрание его сочинений и договаривается об условиях.

13 июня—9 августа. Живет в Аренсбурге.

Сентябрь. В Петербурге выходит составленная П. В. Быковым «Библиография сочинений Н. С. Лескова с начала его литературной деятельности — 1860 г. по 1887 г. (включительно)». Лесков отозвался на ее выход статьей «Товарищеский подарок» («Новое время». 3 окт. № 4525). Письмо И. Е. Репина Лескову с просьбой позволить сделать его портрет. В конце года после трех сеансов работа над портретом была прекращена.

1889, 23 февраля. Читает в мастерской Репина в большом обществе повесть «Зенон златокузнец» («Гора»).

Март. Выходят первые три тома собрания сочинений Н. С. Лескова (СПб., в типографии А. С. Суворина, 1889; тираж 2200 экз.).

Август. Типография Суворина представила в Санкт-Петербургский цензорный комитет восемь экземпляров отпечатанного без предварительной цензуры шестого тома собрания сочинений Лескова) куда входили «Мелочи архиерейской жизни». Первый приступ грудной жабы (стенокардии) у Лескова на лестнице суворинской типографии при известии об аресте отпечатанного шестого тома собрания сочинений.

Сентябрь. Донесение цензурного комитета в Главное управление по делам печати о возражениях гражданской и духовной цензуры против выхода шестого тома собрания сочинений Лескова.

Октябрь. Отношение цензурного комитета к старшему инспектору типографий в Петербурге об «исключении» всех экземпляров шестого тома собрания сочинений Лескова. В типографии Суворина был отпечатан весь тираж тома.

1890, январь. В «Живописном обозрении» (№ 1) начинает публиковаться повесть «Гора». В №2 повесть выходит с рисунками И. Е. Репина. В «Русской мысли» (№ 1) опубликована первая часть романа «Чертовы куклы».

24—26 Лесков в Ясной Поляне. Толстой встречал его и провожал до Тулы.

Около 10 мая Художник И. А. Банистер окончил акварельный портрет Лескова.

22 мая — 15 августа Лесков в Шмецке.

Июль. Выходит десятый том собрания сочинений Лескова.

Октябрь. Выходит новый вариант шестого тома собрания сочинений.

Декабрь. В «Петербургской газете» (№ 354) публикуется рассказ «Под Рождество обидели».

1891, 16 декабря. В «Русской мысли» (№ 12) выходит статья М. А. Протопопова «Больной талант», с благодарностью принятая Лесковым (письмо автору от 23 декабря).

1892. В «Русском обозрении» (№ 8) публикуется очерк Лескова «Легендарные характеры».

Июнь— август. Написаны рассказы «Импровизаторы» и «Пустоплясы».

2 декабря Лесков подписывает завещательное распоряжение «Моя посмертная просьба».

1893, январь.. Знакомство Лескова с молодой писательницей Л. И. Веселитской (Микулич), перешедшее вскоре в сердечную дружбу.

Июнь. Выходит одиннадцатый том собрания сочинений Лескова (12-й том вышел после кончины писателя — в июне 1896 г.).

Июль— декабрь. Работает над рассказом «Административная грация».

9 ноября. Полиция с согласия министра внутренних дел вывозит из типографии Суворина экземпляры шестого, запрещенного тома сочинений Лескова для уничтожения.

1894, сентябрь. В «Русской мысли» (№ 9) публикуется рассказ Лескова «Зимний день». Октябрь. В журнале «Северный вестник» публикуется очерк Лескова «Вдохновенные бродяги».

1895, февраль. Отказ М. М. Стасюлевича печатать по цензурным соображениям в «Вестнике Европы» рассказ «Заячий ремиз». Лескова посещает начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов с целью

примирения. В Академии художеств открывается XXIII передвижная выставка, на которой выставлен портрет Лескова работы В. А. Серова. Темная рама портрета, похожая на траурную кайму некролога, неприятно поражает Лескова. Больной Лесков выезжает кататься вокруг Таврического сада. Эта прогулка вызывает у него обострение болезни (отеки в легких).

21 февраля, (6 марта) 1 час 20 минут ночи. Кончина Николая Семеновича Лескова.

23 февраля. Похороны Лескова на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Что читать о Н. С. Лескове

1. Андреева Г. Т. Творчество Н. С. Лескова. — Иркутск, 1992.
2. Аннинский Л. «Русский космос» Николая Лескова // Н. С. Лесков. Собр. соч.: В 6 т. — М., 1993. Т. 4.
3. В мире Лескова: Сб. статей. — М., 1983.
4. Видуэцкая И. П. Творчество Лескова в контексте русской литературы XIX века // Вопросы литературы. 1981. № 2.
- Горелов А. А. Николай Семёнович Лесков // История русской литературы XIX века. Вторая половина / Под ред. проф. Н. Н. Скотова. — М, 1987. С. 374—397.
5. Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. — Л., 1988.
6. Горький М. Н. С. Лесков (любое издание).
7. Другов Б. М. Н. С. Лесков. — М., 1961.
8. Дыханова Б. «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник» Н. С. Лескова. — М., 1980.
9. Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. — М., 1984.
10. Мосалёва Г. В. Поэтика Н. С. Лескова: Уч. пособие. — Ижевск, 1993.
11. Столярова И. В. В поисках идеала: творчество Н. С. Лескова. — Л., 1978.
12. Чуднова Л. Г. Лесков в Петербурге. — Л., 1975.